

Наконец-то проводили Чжоу Цзыцяня, и в доме остались только Е Тао и малыш, который составил ему компанию. Долгожданное спокойствие и знакомое окружение позволили Е Тао крепко выспаться.

На следующее утро Е Тао разбудил вопль малыша. Он быстро встал с постели и пошел на звук, обнаружив его в ванной.

Малыш, испуганный и смущенный, выбирался из унитаза, выплевывая воду.

Дядя Е Тао был благороден и сдержал смех, пока мыл малыша, как кошку, упавшую в воду, и утешал его:

— Унитаз новый, его только что установили во время ремонта.

Малышу стало немного легче после этих слов, но начинать день с унитаза было слишком «интересно». Малыш был расстроен: знай он об этом испытании, он бы просто справил нужду на пол.

Фен Е Тао, видимо, выбросили как мусор, поэтому вымытый малыш мог только обернуться полотенцем и ждать, пока высохнет естественным путем.

Е Тао спросил малыша, голоден ли он. Тот открыл рот и сделал движение, будто его тошнит, поэтому Е Тао не стал торопиться за завтраком.

Долгое время не занимавшийся домашними делами, Е Тао привел дом в порядок, записал необходимые покупки и собирался после завтрака сходить в супермаркет, но не успело пройти и девяти утра, как Чжоу Цзыцянь прислал всё необходимое. Еда, бытовые принадлежности, даже вещи для малыша были подготовлены. Доставщик привез две большие коробки прямо к двери, и Е Тао даже не пришлось спускаться вниз.

После завтрака Е Тао позвонил Чжоу Цзыцяню, сообщил, что получил вещи, и добавил, что ему здесь хорошо, и он обязательно свяжется, если что-то случится.

— Ты меня так сильно не терпишь? — Чжоу Цзыцянь сказал с горькой усмешкой. Ему казалось, что Е Тао звонил специально, чтобы показать, что тому не нужны напоминания о его существовании, лучше бы он вообще не звонил.

Е Тао тоже мысленно усмехнулся. Было бы лучше, если бы он действительно не терпел, тогда не нужно было бы ничего учитывать, ничего помнить, достаточно было бы уделить ему минимум внимания. Но он не мог не терпеть. Он не мог уделить ему и десятой доли своих сил, и мог только беспомощно прятаться здесь, утешая себя: «Если его нет рядом, ты сможешь избежать хаоса».

Самообман, и при этом заставлять себя верить в это — действительно смешно.

Чжоу Цзыцянь и несколько руководителей проектной группы провели полдня в маленькой конференц-зале. Они набили уши отчетами и предложениями, выпили черного кофе. После встречи секретарь приготовил ему послеобеденный чай и лекарство для желудка. Чжоу Цзыцянь не имел привычки пить чай, еда была нужна лишь для того, чтобы запить лекарство. Гонконгские десерты были изысканно приготовлены, вкус, должно быть, был неплохим, но у него не было аппетита. Его капризный желудок послал сигнал в мозг, напомнив о вкусе, который он пробовал всего пару раз. Это был не такой изысканный и не такой утонченный вкус, просто простая домашняя еда — вонтоны.

Человек, который мог приготовить такой вкус, уже почти неделю находился вдали от дома. Чжоу Цзыцянь не беспокоил его, ведя себя как прирученный леопард. Если бы он еще сильнее сжал когти, его можно было бы принять за большого кота, которому чешут подбородок и дают рыбку. Но человек, которого он хотел соблазнить, был слишком пронизательным. Как бы Чжоу Цзыцянь ни притворялся безобидным, тот не поверил бы, что он кот. Он бы просто воспользовался ситуацией: «Хочешь притвориться котом? Хорошо, тогда спи на дереве. Я тебя позову, когда нужно».

Чжоу Цзыцянь усмехнулся своей мысли. Притворяющийся котом леопард проснулся, облизнул лапу и пошел искать еду.

Был вечер. Оранжево-красный свет заливал маленькую кухню через окно. На плите кипел рыбный суп, ароматный пар поднимался клубами. Е Тао зачерпнул ложку супа, чтобы попробовать на вкус.

Свежая рыба, овощи и фрукты были присланы Чжоу Цзыцянем. За несколько дней Е Тао лишь несколько раз спустился вниз, живя спокойной и размеренной жизнью. Но слишком спокойная жизнь тоже имеет свои недостатки: начинаешь невольно думать о той сложной ситуации, о себе и о нем, что противоречило первоначальной цели возвращения домой. Поэтому Е Тао находил себе дела, чтобы не сидеть без дела и не витать в облаках.

Дом был убран до блеска, не осталось ни одного пыльного уголка. Все три приема пищи готовились самостоятельно. Старая кулинарная книга, найденная среди вещей, словно стала священным текстом, который Е Тао читал и тщательно следовал каждому слову. Жить в спокойствии, с минимальными желаниями и удовлетворением — разве приготовление пищи не является формой медитации?

Малыш, чей аппетит разыгрался от аромата, забрался на плечо Е Тао, тянулся к ложке:

— Дай мне, я попробую! У меня вкус лучше, чем у людей.

Е Тао поднес ложку к его рту, с улыбкой предупредив:

— Держись крепче, не упади в кастрюлю.

Малыш причмокивал, наслаждаясь вкусным рыбным супом. Выглядел он точь-в-точь как маленький обжора, всё его достоинство молодого господина ушло вместе с супом.

Надо сказать, Чжоу Цзыцянь тоже был гурманом. Е Тао вчера только что приготовил партию пельменей, и они с малышом съели только половину, а остальные заморозили в холодильнике. Сегодня Чжоу Цзыцянь, захотев супа с пельменями, пришел.

Дядя оказался более сдержанным, чем племянник, даже о голоде заявлял очень достойно. Он держась за слегка ноющий желудок, сказал Е Тао, что на обед съел лишь несколько кусочков пасты с мясным соусом — липкой и не вызывающей аппетита, а крем-суп из грибов был слишком жидким и приторным.

— Повар, видимо, переживает из-за разрыва, и вложил свою печаль в блюдо, — в конце г-н Чжоу нашел такое оправдание своей привередливости.

Е Тао позволил ему говорить, опустил еще свежие замороженные пельмени в кастрюлю и стоял у плиты, осторожно помешивая. Но привычное для Е Тао равнодушие и игнорирование не работали на Чжоу Цзыцяня, у того было множество способов заставить его обратить на себя

внимание.

Он готовит тебе еду, а ты пользуешься моментом и лапаешь его... Эй-эй, хватит обнимать, не лезь с поцелуями!

Малыш не выдержал. Мысленно ругаясь, он полез по штанине Чжоу Цзыцяня, пытаясь оттащить его от шеи дяди Е Тао.

Дорогой костюм Чжоу Цзыцянь был изрядно потрепан племянником, но малыш все же добрался до его плеча, после чего был схвачен, вынесен из кухни и брошен на пол. Дверь захлопнулась.

Чжоу Цзыцянь вернулся на прежнее место и продолжил мягко дразнить Е Тао. Одной рукой он обнял его за талию, опустил голову на плечо. Е Тао не мог ни уклониться, ни уйти, только позволял ему лежать на себе, как большому коту, и с досадой думал, что неплохо бы стукнуть его ложкой.

Чжоу Цзыцянь смотрел на пухлые пельмени в кастрюле, в его глазах светилась улыбка:

— Помнишь, ты впервые приготовил мне вонтоны? Ты специально сделал их разного размера. Я тогда подумал, что ты впервые на кухне и совсем не хочешь ничего портить. Ты кормил малыша начинкой, а я даже шкурки, которые он не ел, доел. О чем ты тогда думал? Не смеялся ли надо мной? А?

Последнее «А» прозвучало так магнитно и соблазнительно, что человек с меньшей выдержкой мог бы ослабеть на ногах от него.

— В холодильнике есть пирожки с остатками начинки с обеда. Если ты сильно голоден, разогрей и поешь, если нет — уходи и не мешай, — Е Тао тоже не достиг уровня невозмутимости. Он помешивал пельмени в кастрюле, пока горячее дыхание у его уха сбивало его с толку. Сердце, которое едва успокоилось, снова заволновалось, как суп в кастрюле — не слишком бурно, но с клубами пара.

— С какой начинкой?

— С овощами.

— Ты же говорил, что я лиса? Какая лиса ест овощи? Если не хочешь, чтобы я мешал, накорми меня мясом. А если мяса нет, я сам его найду, — Чжоу Цзыцянь, пользуясь моментом, провел языком по мочке уха Е Тао. Почувствовав, как тот весь напрягся, он улыбнулся. Его глаза сияли, как цветы персика, а язык скользил по губам, соблазняя сильнее, чем лиса.

Е Тао вдохнул и ударил его локтем. Из-за худобы его локоть был особенно острым и пришелся как раз на ноющий желудок Чжоу Цзыцяня.

Чжоу Цзыцянь отпустил человека, которого держал в объятиях, и схватился за живот. На лбу выступил холодный пот.

— Не нужно ли было так жестоко?

Е Тао обернулся, увидев его нахмуренное лицо, и спросил:

— Болит?

Чжоу Цзыцянь не стал притворяться героем и честно ответил:

— Желудок болит весь день, а теперь еще сильнее.

Е Тао посоветовал:

— Если болит, веди себя спокойно, не ищи неприятностей.

Чжоу Цзыцянь, ожидавший хотя бы немного сочувствия, был немного разочарован. Он с горькой усмешкой покачал головой, держась за больное место, и вышел из кухни.

Жаль дядю Е Тао, жаль малыша, не жаль дядю. Вот такая у меня предвзятость, ничего не могу с собой поделатъ ㄣ (J 3 4) ㄣ

<http://bllate.org/book/17687/1650266>